

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ: ЭПОХИ И ПЕРИОДЫ

Д. В. Лузейцев

«Циклопические сооружения»: действительные и мнимые недостатки приказного строя Московского царства XVI–XVII веков

Аннотация: в статье рассмотрены господствующие в историографии представления о неэффективности организации системы центрального управления в Московском государстве XVI–XVII вв. С опорой на архивные материалы анализируется степень оперативности работы центральных приказов и провинциальной администрации, а также уровень профессионализма в решении административных вопросов. Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что расхожие представления о медлительности и запутанности приказной системы управления не соответствуют действительному положению дел в московских приказах.

Ключевые слова: история, приказы, администрация, управление, дьяки, подьячие, бюрократия, челобитные, делопроизводство, коррупция.

На протяжении всей истории российской цивилизации одним из основных факторов ее развития неизменно выступала и выступает государственность в целом и система государственных органов в частности. В силу этого тема исторических корней российской государственности постоянно привлекает внимание ученых, политиков и образованной части российского общества. В данном отношении особый интерес вызывает история отечественной государственности XVI–XVII вв. Именно в тот период Русь, освободившаяся от власти татарских ханств и авторитета павшей Византийской империи, но не подпавшая еще под влияние продиктованных Петром I западноевропейских рациональных образцов, имела возможность следовать в вопросах государственного строительства своим собственным, самобытным путем. В ходе такого развития в Московском царстве XVI–XVII вв. сложилась специфическая система органов центрального управления — приказы. Этим правительственным учреждениям, около 200 лет обеспечивавшим нормальное функционирование Российской державы, не очень повезло на предмет «благодарной памяти потомков». В подавляющем большинстве случаев воспитанный на школьных и вузовских учебниках образованный россиянин припомнит излагавшиеся в них тезисы

о крайней запутанности приказной системы, царивших в приказах административном произволе и мздоимстве, завершив свой очерк комплиментом в адрес Петра Великого, заменившего нелепые приказные учреждения стройной и рационально устроенной коллегиальной системой.

Впрочем, известную хаотичность и неупорядоченность приказной системы отмечали и непосредственно изучавшие ее исследователи. По меткому выражению Н. П. Лихачева, «приказы не были созданием творческого ума отдельной личности, не перенесены с бумаги в действительность, а составляли продукт исторического хода государственной жизни; приказы росли как сама Москва, как кривые улицы исторического города раскинулись они и своей запутанностью смущают исследователя»¹. К похожему выводу пришел и С. Б. Веселовский, отметивший, что «приказный строй рос, подобно двору домовитого хозяина, который не любит, чтобы что-нибудь пропадало, а строит, перестраивает, надстраивает и пристраивает различные службы по мере надобности. Так, с течением времени, происходило скорее нагромождение приказов, чем внутреннее развитие всего строя. Этим объясняется как нестройность и

¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 4.

сложность приказной системы, так и ее прочность и практичность»². Известную непроницаемость приказной системы для взгляда позднейших исследователей констатировал классик российской историографии В. О. Ключевский: «Так как приказы возникли не вдруг по одному плану, ...то распределение правительственных дел между ними представляется чрезвычайно неправильным и запутанным на наш взгляд, привыкший к строгой регламентации и точному распределению дел по существу»³.

И это обстоятельство лишь подогрело интерес исследователей к государственному строю Московской Руси. Не случайно крупнейший российский историк XIX в., С. М. Соловьев, относил приказную систему к числу наиболее любопытных феноменов государственной жизни допетровской Руси: «Приказ есть одно из самых выпуклых, самых характеристических явлений древней России, Московского государства»⁴. Но будучи своего рода «отличительным признаком» древней Руси от России новой, приказы были обречены подвергнуться шквалу критики со стороны западной историографии, одним из основных постулатов которой был тезис об отсталости и косности Московского царства. По утверждению одного из основоположников западничества, Б. Н. Чичерина, «только беспорядок, господствовавший в администрации XVII-го века даст нам смысл преобразований Петра Великого»⁵. В силу этого редкое исследование по истории государственности допетровской России обходилось без едких замечаний в адрес запутанной, погрязшей в злоупотреблениях и бюрократизме беспорядочной системы приказов XVI–XVII вв. Суровый приговор приказному строю вынес в конце XIX в. В. Е. Романовский, констатировавший: «Петр Великий застал государственный организм в виде весьма сложной машины с грубо, неумело сработанными многочисленными частями, беспорядочно цепляющимися друг друга, мешавшими друг другу и потому едва-едва выработывавшими из сырого материала крайне грубое, почти бесформенное, кое-как удо-

влетворявшее насущным потребностям изделие»⁶. Несколько позже, уже в начале XX в., пером Б. И. Сыромятникова тезис о неудовлетворительности системы центрального управления Московской Руси был перенесен на страницы авторитетного словарного издания. Совокупность приказов, по оценке этого автора, представляла собой «приказный хаос», демонстрирующую свое «вопиющее неустройство» «систему организованных злоупотреблений и хищений»⁷. Указанный посыл был подхвачен советской историографией, продолжившей обвинять приказный строй Московского царства во всех мыслимых недостатках. К сожалению, подобный несколько пренебрежительный подход к приказам нашел отражение даже в трудах самых авторитетных исследователей приказного строя, без работ которых невозможно изучать историю центрального управления Московской Руси. Наиболее типично заключение, сделанное Н. П. Ерошкиным: «Приказная система с ее централизацией и бюрократизмом, бумажным делом, производством и бесконтрольностью порождала волокиту, злоупотребления и взяточничество»⁸.

Попробуем рассмотреть основные упреки, адресуемые приказному строю Московского царства, и проверим, насколько они справедливы. Начать следует, как кажется, с наиболее серьезного. Многие исследователи считают, что приказная система страдала едва ли не хроническим заболеванием, суть которого состояла в принципиальной неразделенности территориального и отраслевого начал в управлении. Это, как указывают исследователи, приводило к конфликтным ситуациям, когда неясно было, какому из приказов должно подчиняться то или иное лицо. Допустим: где должен быть судим казанский стрелец – в приказе Казанского дворца или в Стрелецком приказе? Подобные ситуации вызывали, по мнению исследователей, либо одновременное вмешательство в дело нескольких ведомств, либо, напротив, «административный вакуум», если ни одно из ведомств не проявляло заинтересованности в решении спорного вопроса. Именно на эту сторону приказной системы указывают многие крупные специалисты

² *Веселовский С. Б.* Приказный строй управления Московского государства // *Русская история в очерках и статьях.* Киев, 1912. С. 166–167.

³ *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 1995. С. 74.

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1991. С. 272.

⁵ *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. I–II.

⁶ *Романовский В. Е.* Государственные учреждения древней и новой России. Тифлис, 1897. С. 154–156.

⁷ *Сыромятников Б. И.* Приказы // *Энциклопедический словарь библиографического института Гранат.* Т. 33. М., 1915. Стб. 453–463.

⁸ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 35, 38, 61.

по истории российского государственного управления XVI–XVII вв. В. И. Буганов, в частности, писал: «Всей системе свойственна, как и русскому управлению в XVI в. в целом, сложность и запутанность, неясность в разграничении функций, переплетение последних»⁹. Отсутствие четкого определения и разграничения ведомственных функций приказов, соединение ведомственного принципа с административно-территориальным, административных функций с судебными, переплетение полномочий приказов над отдельными территориями и сословными группами отмечено А. К. Леонтьевым¹⁰; на «нечеткое разделение отдельных функций управления» указала Н. Ф. Демидова¹¹.

Существовала ли в реальности XVI–XVII вв. подобного рода путаница? Прежде всего отмечу, что пересечение функционалов территориальных и отраслевых приказов даже теоретически не могло быть частым явлением ввиду того, что приказов с территориальной компетенцией в административной системе Московского царства было немного. Строго говоря, с момента ликвидации системы так называемых областных дворцов (что произошло в период опричнины) и вплоть до 1637 г. в Москве функционировал лишь один приказ, имевший территориальную компетенцию — приказ Казанского дворца. В 1637 г. из этого приказа, имевшего огромную подведомственную территорию, был выделен Сибирский приказ (ранее функционировавший как отделение Казанского дворца).

Разумеется, бывали случаи, когда люди не знали, в какое именно ведомство им следует обратиться, или ошибочно обращались не в тот приказ, в который следовало. Вряд ли, однако, такое случалось чаще, чем бывает в наши дни. В 1614 г., например, воеводы из города Шацка прислали в Москву отписку по поводу следовавшего через город посольства в Ногайскую орду. Отписка была доставлена в Разрядный приказ — головное административное ведомство Московского царства, с которым воеводам по обстоятельствам их службы приходилось поддерживать наиболее тесные контакты. Это было несомненной ошибкой воевод,

поскольку дипломатические вопросы подлежали рассмотрению в Посольском приказе. По этому поводу шацкие воеводы были отчитаны московской администрацией: «И так делают молодые люди, которым наши дела не в обычай, а вам ведати то мочно... о посольских делах пишут в Посольской приказ, а в Разряд пишут о ратных делах». Но попытка тех же воевод проигнорировать присланное из Посольского приказа распоряжение о выдаче ногайскому посольству денег из доходов шацкого кабака вызвала отповедь еще более суровую. Воеводы попытались сослаться на ведомственную подчиненность шацких кабаков приказу Казанского дворца и запросили из этого ведомства соответствующего распоряжения: «А которые кабаки в Шатцком уезде, и те кабаки в приказе в Казанском дворце». Ответ из Москвы в сжатой форме содержит основной принцип административной практики Российского государства XVI–XVII вв. Деньги из кабацких доходов было приказано незамедлительно выдать, вслед за чем следовал выговор воеводам: «И мимо наш указ о указе к нам писать нечево, все вам указано подлинно, то дело вам и делать, а приказов наших не разделять и не розсужать: изо всех приказов указ посылают по нашему указу»¹².

Вряд ли в свете изложенного можно согласиться с характеристикой, данной приказной системе в начале XX в. Б. И. Сыромятниковым, по мнению которого «в ней не мог разобраться и сам московский дьяк». Несколько позже тот же автор констатировал: «Понятно, какие трудности встречает всякая попытка разобраться в этих циклопических сооружениях»¹³. Проблема состоит скорее в неспособности исследователей более позднего времени понять основные принципы функционирования приказного строя.

Другим распространенным штампом в отношении приказов и приказных служащих в исторических работах является бюрократизм. Едва ли не первым это новомодное французское слово употребил для описания российских приказов в середине XIX в. Н. И. Хлебников, по словам которого в Московском царстве «административная центра-

⁹ Буганов В. И. Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // Археологический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 353.

¹⁰ Леонтьев А. К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 313.

¹¹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 165.

¹² РГАДА. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 101–102.

¹³ Сыромятников Б. И. Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. № 8. С. 60–61; он же. История русского государственного права. Лекции приват-доцента Б. И. Сыромятникова, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., 1909. С. 514.

лизация была доведена до таких размеров, далее которых не может пожелать и самый страстный бюрократ нового времени»¹⁴. Его мысль была подхвачена вскоре патриархом отечественной историографии В. О. Ключевским, написавшим в вышедшей в 1882 г. монографии, что «толпа дьяков в Боярской думе была выразительным признаком превращения аристократического совета в бюрократическое учреждение»¹⁵.

Достаточно быстро последовали и первые возражения против определения приказов как бюрократических учреждений. Одним из первых это сделал Н. П. Лихачев, склонявшийся к тому, что приказы были коллегиальными, а не бюрократическими учреждениями¹⁶. Другой классик отечественной исторической науки, С. Б. Веселовский, также высказал сомнения относительно возможности называть приказы бюрократическими учреждениями ввиду отсутствия выраженной внутрприказной иерархии дьяков. Впрочем, к концу XVII в. приказы, по мнению Веселовского, бюрократизировались¹⁷. Того же мнения придерживался и С. К. Богоявленский, отметивший, что в XVII в. «восторжествовал и вполне определился чисто бюрократический принцип исчисления старшинства службы дьяков — принцип выслуги»¹⁸. С конца 1980-х гг. за служащими московских приказов прочно утвердилось определение «приказная бюрократия» или «служилая бюрократия»¹⁹. Применимость к приказным служащим этого синтетического и довольно позднего по происхождению термина весьма спорна. Замечу, однако, что никто из исследователей, серьезно изучавших приказный строй Московского царства, не вкладывал в понятие «бюрократия» негативного смысла.

Это не мешало, однако, авторам обобщающих работ об истории допетровской Руси не только уверенно называть приказы бюрократическими учреждениями, но и приписывать им все негатив-

ные черты бюрократизма, в частности мздоимство служащих, преднамеренное затягивание решения дел, злоупотребления властью и бесконтрольность приказного аппарата.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о медлительности российских приказов. Крупнейший знаток российской истории XV–XVII вв. М. Н. Тихомиров писал о приказных подьячих: «...они производили различного рода волокиту, которая в XVII в. даже в царских документах носила название “московская волокита”... „Московская волокита” представляла собой весьма большое явление»²⁰. На волокиту как на порок административной системы Московского царства указала в недавно опубликованной монографии Л. Ф. Писарькова: «Волокита и злоупотребления — недостатки этой системы, особенно развившиеся к концу XVII в., требовали ее реформирования»²¹.

Однако знакомство с производством столичных приказов не позволяет сделать вывод о принципиальной медлительности центральных учреждений Московской Руси. Напротив, мы имеем массу доказательств оперативности работы приказных служащих. В частности, в документах, сохранившихся от архива Посольского приказа, имеются записи о том, что подьячие этого ведомства иногда даже получали жалованье за «сверхурочную» работу: им выдавались деньги на корм за то, что они, выполняя срочные распоряжения руководства, переписывали грамоты и инструкции дипломатам «не выходя из приказа»²². Подобное требование могло быть предъявлено и к служащему более высокого ранга. Так, думный дьяк Петр Третьяков, находившийся в сентябре 1614 г. вместе с царем Михаилом Федоровичем в походе на богомолье, приказал своему помощнику, посольскому дьяку Савве Романчукову, срочно изготовить новые проезжие грамоты для гонца, направленного в империю Габсбургов: «диаку Саве Раманчукову тое проезжую грамоту в государства, и на Колу, и на Колмогоры об их отпуске... велети написати против прежнего отпуску слово в слово тотчас, не выходя из ызбы»²³.

¹⁴ Хлебников Н. И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 369–370.

¹⁵ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 2003. С. 338.

¹⁶ Лихачев Н. П. Указ. соч. С. XI.

¹⁷ Веселовский С. Б. Приказный строй... С. 183.

¹⁸ Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. Т. 1. 1937. С. 232.

¹⁹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России...; Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584 – 1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988; Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. М., 2011.

²⁰ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973. С. 356.

²¹ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 84.

²² РГАДА. Ф. 159. «Приказные дела новой разборки». Оп. 2. Д. 601. (1613–1618 гг.). Л. 11, 12, 20.

²³ Там же. Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.

Оперативностью решения дел отличалось не только дипломатическое ведомство Московского царства. В Разрядном приказе скорость решения дел зависела от степени их важности: вопросы обороны страны решались в срок от 3 до 8 дней, ответы на запросы из других приказов составлялись в течение 1–5 дней²⁴. Достаточно быстро шла работа и в прочих приказных органах. К таким выводам позволяет прийти анализ записей в расходных книгах Казенного приказа. Именно из этого учреждения производилась выдача наград за различные службы (от участия в «потешной» схватке с медведем до захвата в плен воинов вражеских войск). Информация о выдаче вознаграждения аккуратно записывалась подьячими в особые расходные книги с точным указанием даты вручения награждаемому лицу «государева жалованья». В ряде случаев мы имеем также и сведения о времени поступления в Казенный приказ распоряжения о выдаче жалования. Сопоставление этих данных (для анализа были взяты все записи в расходной книге Казенного приказа за июль 1617 г.)²⁵ дает довольно неожиданные результаты: в подавляющем большинстве случаев награждаемое лицо получало свое жалованье либо в день поступления в Казенный приказ распоряжения о выдаче жалования, либо на другой день. Крайне редко просителю приходилось ждать получения жалования дольше, и ни разу за июль 1617 г. время ожидания не превысило двух недель²⁶.

Выдача жалования, таким образом, в Казенном приказе осуществлялась в весьма сжатые сроки. Впрочем, сама выдача жалования была лишь заключительной частью дела, которой предшествовали подача заинтересованным лицом прошения («челобитной») о вознаграждении (с указанием оснований для этого). Затем следовало рассмотрение челобитной в том или ином приказе, доклад царю и боярам сути прошения и, наконец, выносилось решение о выдаче жалования. Продолжительность этих процедур в подавляющем большинстве случаев определить не удастся, потому что формуляр составления челобитной не предусматривал указания даты ее составления. Но в некоторых случаях все же можно вычислить продолжительность рассмотрения всего дела, от подачи челобитной

до выдачи вознаграждения. И сроки эти оказываются совсем не такими значительными, чтобы можно было говорить о «приказной волоките». Рассмотрим один из таких примеров.

28 июля 1617 г. в Казенный приказ поступило распоряжение выплатить жалованье дворцовому повару Ивану Хохлову, присутствовавшему на царском пиру. Жалованье выдали весьма оперативно, на другой день: «по государеву... указу... дано государева жалованья повару Ивану Хохлову четыре аршина сукна настрафилю зеленого, цена два рубли с полтиною... А пожаловал государь его за то, что держал к посольскому столу лосиной кострец»²⁷. В этом случае мы можем совершенно точно определить дату этого царского пира. В документации Посольского приказа обнаруживается запись о приглашении 28 июля 1617 г. к царскому столу английского посла Джона Меррика: «И июля в 28 день государь... велел аглинскому послу... быти у себя, государя, на дворе на отпуске, и у своево государева стола государь указал ему того дни быти. И того ж дни аглинской посол князь Иван у государя на дворе у стола был»²⁸.

Из этого следует, что дворцовый повар Иван Хохлов, державший на царском пиру 28 июля «лосиный кострец», в тот же день подал челобитную в приказ Большого дворца. Руководство приказа сразу же отослало память о выплате Хохлову жалованья в Казенный приказ, где уже на другой день повар получил причитающиеся ему четыре аршина зеленого сукна. Как видно, здесь говорить о «московской волоките» основания отсутствуют.

Весьма быстро происходила выдача жалования лицам, не имевшим отношения к придворным службам и не могущим рассчитывать на поддержку высоких покровителей. Рассмотрим еще один случай. 3 августа 1620 г. в Москву были доставлены из Архангельска шесть русских людей, вернувшихся на родину после многолетнего пребывания в турецком плену. Все они были лицами довольно низкого социального положения (стрелец, казаки и крестьяне) и родом были из провинциальных южных городов (Рязани и Болхова). В Посольском приказе, куда явились выходцы из плена, выяснились подробности жизненного пути этих гребцов с турецкой галеры, проследовавших через Испанию, Францию и Брабант в Амстердам, где их при-

²⁴ Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 588–592.

²⁵ РГАДА. Ф. 396. «Оружейная палата». Оп. 2. Д. 279. Л. 366–434.

²⁶ Более подробно этот сюжет рассмотрен в работе: Лисейцев Д. В. «Московская волокита». О темпах работы российских приказов начала XVII века (в печати).

²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 279. Л. 430–430 об.

²⁸ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 242.

няли на борт голландского корабля, следовавшего в Архангельск.

Уже на другой день, 4 августа, царь и бояре слушали доклад посольского дьяка и распорядились: «Выписать на пример к выходу, а ныне дать на неделю кормец невеликой». Вслед за этим «полоняники» подали на имя царя челобитную с просьбой о жалованье, чтобы «скитаясь по Москве, вконец не погибнуть». В Посольском приказе тем временем была составлена новая докладная запись, к которой приложили и копию отписки архангельского воеводы, удостоверявшую правдивость сведений, сообщенных челобитчиками в Москве. Попутно подьячие Посольского приказа подобрали примеры аналогичных случаев за несколько предшествовавших лет, когда выходцам из турецкого плена выдавалось государственное жалование.

Решение царя по доложенному ему вопросу последовало 7 августа 1620 г. Шестеро «выходцев» получили по «сукну доброму», каждому было выдано также по 2,5–3 рубля. В тот же день жалование было выдано²⁹. Вся процедура, таким образом, завершилась на пятый день по прибытии выходцев из плена в Москву. Подобные примеры не единичны. Так, переводчик Посольского приказа Иван Фомин, направляемый в составе дипломатической миссии за границу, подал челобитную с просьбой в его отсутствие выдавать причитающееся ему жалование супруге. Помета с распоряжением послать соответствующую память в главное финансовое ведомство Московского царства, приказ Большого прихода, датирована 3 января 1621 г.; уже 7 января память была в Большой приход отправлена³⁰.

Несколько больше времени могла занять переписка между двумя приказами, если требовался обмен справочными материалами. Иногда (если поиск нужной информации был сопряжен со сложностями) ответ на запрос приходил почти через месяц. Так, 21 декабря 1619 г. из Разрядного приказа в Посольский была доставлена память с просьбой о предоставлении информации о вышедшем из плена болховском сыне боярском Семене Тимофеевиче Хитрово; ответная память в Разрядном приказе была получена лишь 15 января 1620 г.³¹ Примерно столько же времени заняла

переписка между этими приказами и летом 1618 г.: ответ на запрос, посланный 25 июня, был получен 13 июля³². Как правило, однако, обмен информацией между разными ведомствами происходил намного оперативнее: переписка между Посольским приказом и приказом Большого дворца в декабре 1620 г. заняла 10 дней (потребовался поиск информации пятилетней давности); обмен памятями между Разрядным и Панским приказом в марте 1624 г. уложился в 9 дней; 4 дня ушло у разрядных дьяков на получение сведений из приказа Казанского дворца в декабре 1617 г.³³

Вполне адекватными были и сроки выполнения распоряжений центральной власти в провинции. Осенью 1617 г. в Разрядный приказ из города Ельца поступила информация о конфликте между кабацким головой и кабацкими целовальниками, обвинявшими друг друга в присвоении казенных денег. 1 ноября 1617 г. из Москвы в Елец была направлена указная грамота, предписывавшая воеводам произвести сыск среди населения города³⁴. 20 ноября 1617 г. грамота была привезена в Елец, и городские власти приступили к выполнению полученного предписания. Первые свидетельские показания были взяты уже 27 ноября, последние – 25 января 1618 г. За прошедшие между первыми и последними допросами два месяца воеводская администрация успела опросить практически все население Ельца (более тысячи человек): казаков, пушкарей, ямщиков, стрельцов, дворян и детей боярских, торговых людей, духовенство. Воеводская отписка с результатами расследования была прислана в Москву 12 февраля 1618 г.³⁵ Примерно в те же сроки уложились с выполнением распоряжения из столицы и власти другого провинциального города – Нижнего Новгорода. 23 октября 1617 г. туда был направлен указ о проведении описания поместья боярина князя И. Б. Черкасского. Отчет о выполненной работе поступил в приказ Новгородской четверти чуть более чем через два месяца, 5 января 1618 г.³⁶

Нужно отметить, что штат приказных служащих был относительно невелик. На начало XVII в. в центральных органах власти одновременно не-

²⁹ РГАДА. Ф. 141. Д. 5 (1619 г.). Л. 105–113.

³⁰ Там же. Л. 260 об., 261.

³¹ Там же. Л. 230, 231.

³² Там же. Д. 4 (1618 г.). Л. 47, 48.

³³ Там же. Д. 5 (1619 г.). Л. 254, 257; Ф. 210. «Разрядный приказ». Столбцы Московского стола. Д. 7. Л. 45, 46; Д. 8. Л. 128, 129.

³⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 2. Л. 1, 8, 29, 37.

³⁵ Там же. Л. 38, 44, 46, 48, 50, 52, 53, 54а, 57, 61, 64, 66.

³⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4 (1618 г.). Л. 187–191, 194–196 об.

сло службы не более 50 дьяков; численность подчиненных им подьячих была приблизительно вдесятеро выше. В общей сложности количество служащих центральных приказов не превышало 600 человек. Учитывая, что численность населения Московского государства на начало XVII в. составляла около 6 млн. человек, получится, что один «управленец» приходился в России на 10 тыс. человек. К концу XVII в. численность населения в России удвоилась. Соответствующим образом изменилось и количество приказных служащих: боярский список 1611 г. называет имена 72 дьяков; дьяков насчитывалось около 150³⁷. Для сравнения: во Франции середины XVII в. при 18-миллионном населении насчитывалось 46 тыс. чиновников, т. е. один «управленец» приходился на 390 человек (в России того же времени, даже с учетом провинциальных служащих, один чиновник приходился на 2250 человек). При этом площадью Московское государство превосходило Францию примерно в 30 раз³⁸. Эта статистика позволяет утверждать, что приказная система была вполне эффективна, а служащие ее — достаточно компетентны. Один из лучших знатоков приказного строя, С. Б. Веселовский, писал о приказных дьяках и подьячих: «Они были ближе к населению, хорошо знали его повседневные нужды и, как практики, не мудрили и не изощряли своей изобретательности на списках управляемых»³⁹.

Итак, утверждения о медлительности и неповоротливости административной системы Московского царства опровергаются при внимательном анализе исторических источников. Можно согласиться с мнением О. В. Новохатко, предположившей, что выражение «приказная волокита» «отражало опыт взаимодействия частных лиц с приказами как судебными инстанциями»⁴⁰. Судебные дела в приказах, действительно, могли тянуться годами, но, как правило, виновниками этого являлись сами участники судебного процесса. Посмотрим теперь, как обстояли дела с бесконтрольностью деятельности приказных служащих, которые, согласно утверждениям ряда исследователей, постоянно злоупотребляли своим служебным положением⁴¹.

³⁷ Богдавленский С. К. Приказные дьяки XVII века. С. 228–229.

³⁸ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России... С. 46.

³⁹ Веселовский С. Б. Приказный строй... С. 197.

⁴⁰ Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 588.

⁴¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1909. С. 186, 192; Лаппо-Данилевский А. С. Органи-

Безусловно, лица, состоявшие на административной службе, имели возможности использовать служебное положение в личных целях и не всегда могли устоять перед таким соблазном. Однако утверждать, что подобные проступки оставались бесконтрольными и безнаказанными, не приходится. Так, например, в 1619 г., после отступления из-под Москвы польских войск королевича Владислава, в Разрядном приказе приступили к составлению так называемого Осадного списка 1618 г. — перечня лиц, участвовавших в обороне столицы и имевших, соответственно, право претендовать на награду за эту службу. В сложившихся обстоятельствах состоявший при одном из полков подьячий Панкрат Бобанин попытался свети счеты со своим старым недругом, иноземцем Александром Балем. Подьячий не внес имени иноземца в Осадный список. Однако на это довольно быстро последовала реакция иноземца, обратившегося в Разрядный приказ с жалобой: «А моего, государь, имени ис полку в Розряд подьячей Панкрат Бобанин не прислал, рнясь тому по недружбе, что мне дано тещи ево поместье Федоровские жены Беленкова в Романовском уезде, и о том поместье у нас с ним шум был великой и тяжба». Жалоба Александра Баля, похоже, не была оставлена без внимания: от столичной службы подьячий Бобанин был отставлен, и в 1619 – 1632 гг. мы обнаруживаем его исключительно в провинциальных съезжих избах⁴².

Отказ записать имя служилого человека в Осадный список стал поводом для подачи еще одной жалобы. Интересно, что принадлежала она перу представителя той же самой приказной среды — дьяка Петра Микулина. Он по поручению правительства производил ревизию финансов в приказе Новгородской четверти. Этим Микулин испортил себе отношения со многими представителями своего чина, в том числе и с влиятельным думным дьяком Разрядного приказа. В 1621 г. Петр Микулин жаловался царю и патриарху: «И будучи, государи, у тех ваших государевых приказных дел,

зация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 493–496; Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913. С. 94–99, 106; Сыромятников Б. И. Происхождение и развитие... Стб. 453–463; Леонтьев А. К. Государственный строй. С. 316.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 766; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 39.

со многими людьми стал в остуде и в разоренье и с детишками. По Сыдавново, государи, приказу Васильева розрядные подьячие сынишка моево Лучку в осадном списке в Помесной приказ за нынешнее твое государево осадное сиденье, рнясь мне, прописали нароком»⁴³. Что касается пострадавшего из-за служебного рвеня своего родителя Луки Микулина, то в его отношении справедливость была восстановлена: право на получение вотчины за «осадное сидение» было ему все-таки предоставлено⁴⁴. Гораздо более любопытной представляется другая информация, содержащаяся в челобитной дьяка Петра Микулина.

Проводя ревизию финансов Новгородской четверти, дьяк Микулин обнаружил факт серьезных денежных хищений, к которым было причастно руководство инспектируемого им приказа: «И по нашему, государь, счету... взочтено на дьяков на Ондreja Иванова с товарищи зачетных и складных денег, что они зачли, сложили без вашего государева указу и без боярского приговору, тринацать тысяч рублей. Да по мирским по розходным книгам и по росписям на боярех, и на дворянх, и на дьяках, и на всяких приказных людех поминочных и кормовых денег с семдесят тысяч рублей»⁴⁵. Следовательно, в Новгородской четверти руководством было расхищено до 80 тысяч рублей. Чтобы масштабы этих финансовых злоупотреблений стали понятнее, приведу некоторые цифры. По Столбовскому мирному договору 1617 г. Московская держава обязывалась выплатить шведскому королю вчетверо меньшую контрибуцию — 20 тысяч рублей⁴⁶. Летом 1618 г., во время наступления на Москву польских войск правительство Михаила Федоровича направило в города Поволжья своих людей для сбора денег. Собрать к концу года удалось немногим более 21 тыс. рублей⁴⁷. Дьяки Новгородской четверти утаили от казны сумму, составляющую примерно 5 % государственного бюджета Московского царства в

XVII в. и приблизительно равную официальному годовому доходу четвертного ведомства в начале того столетия (французский наемник Ж. Маржерет сообщает, что в четвертных приказах после осуществления всех расходов ежегодно оставалось от 80 до 100 тыс. рублей)⁴⁸. Размеры хищений оттеняются имеющимися сведениями о денежных окладах приказных служащих начала XVII в. Годовое денежное жалование дьяка не превышало тогда 150 рублей, а квалифицированный («старый») подьячий приказа Новгородской чети получал не более 30 рублей в год⁴⁹.

Итак, бесспорно, в приказах имели место хищения и махинации, притом в довольно крупных размерах. Впрочем, денежные махинации руководства не являются специфической чертой московских приказов, как не являются они болезнью исключительно российских властных структур. Вместе с тем нельзя утверждать, что казнокрадство и злоупотребления властью со стороны приказных служащих были бесконтрольны и оставались безнаказанными. Один из руководителей Новгородской чети, дьяк П. Матюшкин, имевший прямое отношение к расхищению казенных денег, после февраля 1621 г. оставил службу и постригся в монахи⁵⁰. Надо полагать, причиной тому стали результаты ревизии, проведенной дьяком П. Микулиным. Вообще же на исходе Смутного времени царское правительство прилагало немалые усилия для борьбы с взяточничеством и коррупцией. В августе 1618 г. «по челобитью розных городов дворян и детей боярских, и мурз, и татар указали во всяких обидных делех на... бояр и окольничих, и на дворян, и на приказных людей управу давать и ссыкивать без суда... безо всякие волокиты тотчас»⁵¹. Позднее указанное учреждение именовалось Сыскным приказом, или, иначе, приказом, «что на сильных людей челом бьют».

Подводя итог вышеизложенному, приходится констатировать, что традиционные упреки в

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 232.

⁴⁴ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. М., 2009. С. 108.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 232.

⁴⁶ Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 378.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 104, 182, 189.

⁴⁸ Козловский И. П. Значение XVII века в русской истории и характеристика предшественников Петровских реформ // Университетские известия. Киев, 1908. № 2. С. 9; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 139.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Швецией». Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 155.

⁵⁰ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 612.

⁵¹ Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 75.

медлительности и неповоротливости, адресуемые приказам XVI–XVII вв. нельзя признать полностью справедливыми. Обращение к документам XVII в. позволяет констатировать высокий уровень оперативности решения приказными служащими, как дел государственной важности, так и вопросов, связанных с обращениями частных лиц. Безусловно, в приказах присутствовализдоимство, коррупция, хищения казенных средств. Однако мы не имеем оснований утверждать, что в этом отношении приказы Московского царства отличались от государственных учреждений более позднего времени.

Не более обоснованными оказываются и утверждения о запутанности и неупорядоченности приказной системы. Неспособность современного человека, привыкшего к рациональному разделению власти на «ветви» (а в рамках этих

«ветвей» — на управленческие отрасли), разобратся в основах функционирования приказного строя, вовсе не означает того, что приказная система была также непонятна своему современнику и не удовлетворяла потребностям породившего ее общества и государства. В основе ее организации лежал иной, нежели в современном обществе, принцип. Московских государей заботило не столько распределение функций между учреждениями, сколько распределение между этими учреждениями всех социальных групп (иначе говоря, Пушкарский приказ, например, создавался не только для организации управления артиллерийским делом, но и для управления людьми, при артиллерии состоявшими — пушкарями). И в этом отношении приказы стояли значительно ближе к человеку, нежели государственные органы последующих эпох.

Список литературы:

1. Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. Т. 1. М., 1937.
2. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975.
3. Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912.
4. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.
6. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
7. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
8. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
9. Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007.
10. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. VIII. М., 2009.
11. Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988.
12. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007.
13. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. М., 2011.
14. Сыромятников Б. И. Приказы // Энциклопедический словарь библиографического института Гранат. Т. 33. М., 1915.
15. Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973.

References (transliteration):

1. Bogoyavlenskii S. K. Prikaznye d'yaki XVII veka // Istoricheskie zapiski. T. 1. M., 1937.
2. Veselovskiy S. B. D'yaki i pod'yachie XV – XVII vv. M., 1975.
3. Veselovskiy S. B. Prikaznyy stroy upravleniya Moskovskogo gosudarstva // Russkaya istoriya v ocherkakh i stat'yakh. Kiev, 1912.
4. Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka i ee rol' v for-mirovanii absolyutizma. M., 1987.
5. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii. M., 1997.
6. Kozlyakov V. N. Sluzhilyy «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka (Ot Smuty do Sobornogo ulozheniya). Yaroslavl', 2000.

7. Liseysev D. V. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty. M.; Tula, 2009.
8. Likhachev N. P. Razryadnye d'yaki XVI veka: Opyt istoricheskogo issledovaniya. SPb., 1888.
9. Novokhatko O. V. Razryad v 185 godu. M., 2007.
10. Osadnyy spisok 1618 g. // Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochni-ki XV – XVII vv. T. VIII. M., 2009.
11. Pavlov A. P. Prikazy i prikaznaya byurokратиya (1584–1605 gg.) // Istoricheskie zapiski. T. 116. M., 1988.
12. Pисar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy. M., 2007.
13. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Angliyei 1614–1617 gg. M., 2006.
14. Syromyatnikov B. I. Prikazy // Entsiklopedicheskiy slovar' bibliograficheskogo instituta Granat. T. 33. M., 1915.
15. Tikhomirov M. N. Prikaznoe deloproizvodstvo v XVII veke // Tikhomirov M. N. Rossiyskoe gosudarstvo XV–XVII vekov. M., 1973.